

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. А. П. Уракова
г. Москва, Россия

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ, АМЕРИКОЙ И РОССИЕЙ: И. С. ТУРГЕНЕВ В РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКЕ Г. ДЖЕЙМСА

Статья была апробирована в виде доклада на IV Международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и культур «Фридрих Гельдерлин и идея Европы в литературах Германии, Франции, России и США в XIX–XX веках», СПбГУ, 26–28 мая, 2015 г.

Аннотация: И. С. Тургенев стал для американского писателя Г. Джеймса своеобразным «окном в Европу»: благодаря ему Джеймс оказался вхож в первоклассные литературные круги в Париже. Джеймс читал Тургенева по-немецки и по-французски (несмотря на существовавшие английские переводы) и включил его — единственного иностранца — в книгу «Французские поэты и романисты» (1878) вместе с Мюссе, Готье, Бодлером, Бальзаком, Ж. Санд, Флобером, Мериме и др. Вместе с тем в работах Джеймса о Тургеневе постоянно поднимается вопрос о национальной идентичности: Тургенев и европеец, и не-европеец: он признанный европейский писатель и одновременно принадлежит культуре, представляющей собой *Другое* Европы. Наконец, он и никогда не существовавший американский классик: писатель, который мог бы стать великим американским романистом, если бы родился на американском Юге. В статье, в том числе, показано, как Джеймс пытается «европеизировать» Тургенева, «переписывая» роман последнего «Новь». Его собственный роман, «Княгиня Казамассима», признанный многими исследователями подражательным, не только переносит сюжет о тайных сообществах в Европу, но и выстраивается по другим законам, которые Джеймс соотносил с западноевропейской литературной традицией. Проблема национальной идентичности Тургенева в целом и его «европейскости» рассматривается на примере разножанровых критических заметок Джеймса (рецензии, некролог, энциклопедическая статья).

Ключевые слова: Тургенев, Г. Джеймс, рецепция, Европа, русская литература, американская литература, XIX в., влияние, «Новь», национальная идентичность.

Информация об авторе: Александра Павловна Уракова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы А. М. Горького Российской академии

наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: alexandraurakova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.12.2016

Дата публикации: 15.03.2017

Генри Джеймс, американский писатель, проживший большую часть жизни в Европе и в 1915 г. принявший британское подданство, — фигура, безусловно, актуальная для разговора о Европе и американском взгляде на Европу. В письмах Джеймс не раз признавался, что предпочитает Европу Америке; «Европа», по словам Питера Брукса, неизменно означала для него свободу: от семьи, от кембриджской провинциальности, от пуританских взглядов [4, р. 8]. В «Американской сцене» («American Scene»), произведении 1907 г., запечатлевшем его американское турне 1904–1905 гг., Джеймс смотрит на собственную страну остранным взглядом европейца, а рассказ 1908 г. «Веселый уголок» («The Jolly Corner») точно передает эту амбивалентность через образ призрачного американского двойника героя-экспатрианта: Спенсер Брайдон обретает гармонию с собой, только осознав, что его двойник — чужак и что он не желает иметь с ним дела. Разумеется, любовь к Европе не отменяла сложное и не всегда однозначное к ней отношение. В раннем письме 1872 г. Джеймс, например, пишет: «Я преувеличиваю достоинства Европы. Это, в конце концов, такой же мир и Италия ничуть не более абсолютна, чем Массачусетс (Italy isn't the absolute anymore than Massachusetts). Сложная судьба — быть американцем, и она предполагает большую ответственность: бороться с преувеличенным мнением о ценности Европы. Это было бы надувательством: приехать сюда и обнаружить, что мировых проблем здесь не меньше, но намного больше. Но я готов рискнуть» [8, р. 273–274]. Америка и американский характер у Джеймса неизменно соотносятся с европейскими ценностями и укладом жизни; на отношение к Европе, которое менялось и эволюционировало в разные периоды его жизни, проецировалось достаточно рано обретенное им самоощущение неамериканца в Америке и неевропейца в Европе. В этом смысле фигура Ивана Тургенева, с которым его свела судьба в 1870-е гг., была важной не в последнюю очередь потому, что Тургенев для Джеймса был одновременно писателем абсолютно европейским и столь же абсолютно неевропейским. В этой статье мы предлагаем поговорить о том, как Джеймс в 70-е и 80-е гг. XIX в. конструировал и отчасти мифологизировал национальную идентичность Тургенева¹; при всей изученности рецепции Тургенева Джеймсом как за рубежом, так и у нас в стране этот вопрос не кажется в должной мере освещенным и акцентированным.

Как известно, Тургенев стал для тридцатидвухлетнего Джеймса своеобразным «окном в Европу» после их знаменательной встречи в 1875 г. в Париже. Тургенев был близок Флоберу, Эдмонду Гонкуру, Золя и Доде (с 1874 г. в Париже устраивались знаменитые холостяцкие «обеда пяти» с его участием), был знаком с Жорж Санд, Мопассаном и Франсом. Покро-

¹ Подробнее о феномене культа Тургенева у Джеймса см. нашу статью: [3, с. 457–479].

витель начинающих литераторов, он ввел Джеймса в свой парижский круг. Еще до их знакомства Джеймс увлеченно читал русского писателя, разумеется, на французском. Подростком он читал его в «Ревю де де монд», и, как верно замечает Кэтрин Браун, «два мира» (*deux mondes*) — это не Россия и Запад, а США и Франция [5]. В Баден-Бадене Джеймс читает Тургенева в немецком переводе и в 1874 г. пишет восторженную рецензию для «Норт америкен ревью». Рецензия была опубликована в солидном американском журнале, но названия обоих произведений, которые рецензирует Джеймс, — «Вешние воды» и «Степной король Лир» — даны на немецком. Джеймс знал о существовании английских переводов, те же «Вешние воды» были опубликованы в 1873 г. в Нью-Йорке, где Тургенев стал модным писателем после публикации «Отцов и детей». Неудивительно, что в Баден-Бадене Джеймс читал Тургенева в немецком переводе, который он высоко оценил. Но зачем отсылать американского читателя «Норт америкен ревью» к немецким переводам, пусть даже и превосходным? Не говоря уже о том, что оба названия в заглавии рецензии избыточны. Как справедливо отмечают в критике, рецензией статью Джеймса можно считать весьма условно; скорее это амбициозный очерк о творчестве Тургенева в целом, «Степной король Лир» и вовсе лишь бегло упомянут среди других произведений [11, с. 465–466]. Рискнем предположить, что немецкие названия произведений в заглавии являются своеобразными микрознаками, которые маркируют иностранность и иноязычность Тургенева. (Джеймс не может читать Тургенева на русском, но выбирает работы в переводе на иностранный немецкий, а не на родной английский.) Но одновременно это и знак причастности Тургенева (а заодно и Джеймса) к европейским языкам и европейской культуре.

В 1878 г. с рецензией из «Норт америкен ревью» происходит еще одна удивительная вещь: Джеймс убирает немецкие переводы из названия, переименовывает ее в «Иван Тургенев» (*Ivan Turgeniéff*) и включает в сборник статей «Французские поэты и прозаики» (*French Poets and Novelists*). «Французские поэты и прозаики» был первым сборником критических статей Джеймса, опубликованным лондонским издательством. Прочитанный по-немецки русский писатель Тургенев оказывается под одной обложкой с Мюссе, Готье, Бодлером, Бальзаком, Ж. Санд, Флобером, Мериме и др. [8, с. 269–321]. В книге нет предисловия, где было бы объяснено и оправдано подобное включение; нет даже небольшого примечания, уместного, казалось бы, в этом случае, что никак нельзя объяснить небрежностью Джеймса. Скорее, включение Тургенева в книгу о французской литературе без сопроводительных объяснений можно рассматривать как самостоятельное высказывание: Тургенев интегрирован в европейскую культуру настолько, что место, занимаемое им в книге Джеймса, совершенно органично. Все это делает в глазах Джеймса Тургенева европейцем *par excellence* — именно «европейцем», читаемым на французском, но и на немецком, проживающим во Франции, но все-таки не-французом — в наименьшей степени парижанином из всех парижан, как Джеймс заметит в другом месте.

В то же самое время Джеймс то и дело подчеркивает принадлежность Тургенева к русской культуре, которая представляется как культура

принципиально, подчеркнута неевропейская. В некрологе 1884 г. Джеймс пишет: его сопровождало «чувство разнообразия жизни, знания странных и далеких вещей, он обладал горизонтом, в котором легко теряется парижский горизонт — столь знакомый, столь лишенный тайны, столь *exploité*» [8, р. 47]. Антитеза «парижское» vs «непарижское» конструируется при помощи сразу нескольких дихотомий: свое/чужое, близкое/далекое, узкое/широкое, знакомое/неизвестное, оригинальное/ *exploité*. О парижской жизни Тургенева Джеймс пишет: «Он не был весь там, так сказать; было еще нечто помимо этого, в остатке. Это была Россия, конечно же, в большой степени...» [8, р. 47]. Остаток, избыток — это то, что определяет оригинальность Тургенева и что отличает его, делает иным. Франция, разумеется, мыслилась Джеймсом как абсолютное воплощение европейской идеи. Некролог он не случайно начинает с пространной цитаты Эрнеста Ренана, противопоставляющей Тургенева одновременно Франции и Европе. «Тургенев, сказал месье Ренан, таинственным, неисповедимым образом получил дар благороднее всех прочих: он родился по сути своей безличным. Его сознание не было сознанием индивида, к которому природа была более или менее благосклонна; это было в некотором роде сознание самого народа. Прежде, чем родиться, он жил тысячи лет; бесконечный поток грез скопился в глубине его сердца. Ни один человек не был олицетворением всей нации: поколения предков, оставленные позади в дреме веков, бессловесные, через него обрели жизнь и речь» [8, с. 44]. Пассаж Ренана кажется Джеймсу настолько красноречивым, что он его цитирует целиком. Здесь же Джеймс комментирует и развивает мысль Ренана следующим образом: «Он кажется нам безличным (*impersonal*), потому что практически только на основе одних его произведений, мы, говорящие на английском, французском, немецком, составили представление — боюсь, все же довольно слабое и ошибочное — о русском народе». И далее: «Его гений для нас — это славянский гений; его голос — голос тех смутно представляемых множеств (*vaguely-imagined multitudes*), которые, как мы видим все больше и больше, ожидают своей очереди, чтобы выйти на арену цивилизации из бескрайних северных просторов» [8, с. 42]. Итак, Тургенев — проводник в западный мир иноязыкой и потому как бы немой страны. Он представляет культуру, которая всегда нуждается в переводе, культуру «смутно представляемых множеств», в отличие от индивидуалистической и индивидуализированной Европы.

И хотя в этом отношении Тургенев — иной не только по отношению к Европе, но и к западному миру вообще, именно «смутное», неопределенное, неоформленное неожиданно сближает русскую культуру с американской. Еще в рецензии 1874 г. Джеймс подчеркивал, что русское общество — главный предмет изображения в романах Тургенева, «как и наше, находится в процессе формирования, так же, как и русский характер, который претерпевает море изменений (*a sea of change*)» и поэтому не укладывается в готовые, конвенциональные литературные схемы [8, с. 333]. Эта метафора буквально реализуется в «тургеневской» повести Джеймса «Дэзи Миллер» (1878), в описании главной героини: «Это лицо никто не назвал бы незна-

чительным, однако ему не хватало выразительности. Оно радовало глаз изяществом, тонкостью черт, но Уинтерборн отметил в нем, великодушно прощая этот недостаток, некоторую незаконченность» (a want of finish) [9, с. 41–42]. Напомним, что именно «незаконченность», неопределенность, непредсказуемость национального характера Дэзи противопоставляется европейским поведенческим конвенциям — мотив, который отсутствует в тургеневской «Аси», или «Аннушке» (во французском переводе).

Джеймс постоянно проводит параллели между Тургеневым и американской ментальностью, но наиболее интересный момент «сближения» возникает в энциклопедической статье «Иван Тургенев» в «Библиотеке лучшей мировой литературы» под редакцией Чарльза Дадли Уорнера 1897 г. Представляя Тургенева американскому читателю, Джеймс повторяет к тому времени весьма заезженное сравнение «Записок охотника» с «Хижинкой дяди Тома». Но здесь же он делает нечто более радикальное, чем американские рецензенты «Записок», а именно предлагает вообразить Тургенева американским писателем. «Чтобы составить представление о его положении, можно представить себе (imagine) какого-нибудь крупного виргинского или каролинского рабовладельца первой половины века, который бы склонялся к “северным” взглядам и который бы стал (не столько под влиянием этих взглядов, сколько благодаря своей гениальности) великим американским романистом — одним из величайших романистов в мире» [10, с. 1027]. Перед нами — своего рода wishful thinking. Вместо Стоу, которую Джеймс считал посредственной писательницей, Тургенев мог бы написать великий американский роман о рабстве; для этого он должен был родиться в Каролине или Виргинии, быть, в отличие от писателей-южан вроде Натаниэля Бевебли Такера или Джона Педдлтона Кеннеди, аболиционистом и вывести литературу американского Юга на мировой уровень. В американской литературе есть место для Тургенева, но нет самого Тургенева — подобно тому, как есть место для Байрона и Шелли в отсутствии оных; напомним, что десятью годами ранее Джеймс опубликовал свою знаменитую повесть «Письма Асперна» («Aspern Papers»), в которой он заполняет зияющий в национальном каноне пробел, придумывая никогда не существовавшего американского поэта Джеффри Асперна².

Возможность (пусть даже потенциальная, воображаемая) Тургенева быть американским писателем при соответствующих обстоятельствах говорит как о космополитическом протеизме его национального характера, так и является еще одним знаком его неевропейскости: помещик, барин, как и рабовладелец, — это нечто прямо противоположное и запредельное парижанину и европейцу. Принадлежность Тургенева неевропейской культуре определяет его оригинальность и даже превосходство (более широкий горизонт, открытость и готовность к эксперименту) — момент немаловажный для становления собственной писательской идентичности Джеймса. Но в то же время является и неким изъяном, который Джеймса зачастую сильно раздражает. Хотя Джеймс неизменно помещает Тургенева в контекст западноевропейской литературы и негодует по поводу его недооцененности

² См. об этом нашу статью: [2, с. 225–240].

на Западе, он то и дело обращает внимание на важный недостаток тургеневских романов в сравнении с европейскими: «У него нет дара быстрой, страстной, почти безрассудной импровизации, каким обладали Диккенс, Вальтер Скотт, Жорж Санд» [10, с. 126]. «Истории, в привычном смысле этого слова, сконструированной притчи (constructed fable), которая, как вордсвортский фантом, “чарует и манит”, у него практически нет» [8, р. 52]. В сравнении с Виктором Шербульезом или Мередитом это большое достоинство, указывающее на отсутствие кокетства и маньеризма, литературности *per se*, в сравнении с Бальзаком, Скоттом и Санд — осязаемый изъян, а, как известно, именно Бальзак для Джеймса был непревзойденным эталоном. То, что формальные, структурные недостатки тургеневских романов воспринимались Джеймсом как знаки отличия его манеры письма от европейской, достаточно очевидно; например, как замечает Кристин Ричардс, Тургенев неожиданно становится создателем искусной в формальном отношении прозы только, когда возникает сравнение с Толстым — писателем, которого Джеймс называет монструозным рефлектором, отражающим жизнь, подобно природному озеру [11, с. 486; 10, с. 1029].

В этой связи нам представляется симптоматичным то, что, фактически переписывая тургеневский роман «Новь», Джеймс его намеренно «европеизирует». Джеймс считал «Новь» большой художественной неудачей Тургенева; известно, что перед тем, как писать «Княгиню Казамассиму» (*Princess Casamassima*), он перечитал тургеневский роман, но при этом даже не упомянул Тургенева в Предисловии, что позволило многим критикам заподозрить его в плагиате. Романы действительно похожи, и, однако, опубликованный уже после смерти Тургенева в 1885–1886 гг. роман Джеймса «Княгиня Казамассима» — это скорее, говоря современным языком, ремейк «Нови» на западноевропейском материале. Оба главных героя — Алексей Нежданов и Гиацинт Робинсон — незаконнорожденные дети, и их аристократическое происхождение кладет на них особый отпечаток; для обоих судьбоносной оказывается встреча в театре — у Нежданова с Сипягиным, у Гиацинта с княгиней Казамассимой; оба участвуют в тайном сообществе революционеров и кончают жизнь самоубийством. Но Джеймс не только переносит сюжет в Англию; он переносит акцент с характера революционера на сюжет о конспирации, с его секретными ходами, таинственностью и саспенсом, усложняя тем самым фабулу. «Княгиня Казамассима» оказывается странным экспериментом — это роман, который никогда не написал бы Тургенев и который стоит особняком в джеймсовском каноне: это «типичный джеймсовский роман, решающий типичные джеймсовские проблемы», и одновременно роман с принципиально неджеймсовским сюжетом [12, с. 90–91]. В частности, «Княгиня Казамассима» изобилует мелодраматичными элементами, которых роман Тургенева начисто лишен, но которые совершенно не свойственны и самому Джеймсу: только один пример — Гиацинт не просто незаконнорожденный сын, как Нежданов; его мать, французка Флорентин Вивье, убила его отца, английского лорда. Возникает странное ощущение, что роман написал кто-то третий, некий несуществующий европейский двойник обоих писателей. Джеймс словно демонстри-

рует к тому времени уже умершему, Тургеневу, который был для него, безусловно, учительской фигурой, как роман о конспирации мог бы написать *европеец*.

Национальная идентичность Тургенева, которую Джеймс конструировал в критике 1870–1880-х гг., была, без сомнения, связана с опытом самоопределения и самопознания; в Тургеневе Джеймс мог увидеть и узнать собственную литературную судьбу — *complex fate* — судьбу космополита, в котором европейское и неевропейское могут меняться местами (сам Джеймс в России до конца XIX в. считался английским писателем). Тургенев помещается Джеймсом между Европой, Россией и Америкой или, точнее, между Европой, с одной стороны, Россией и Америкой как не-Европой, с другой. В то же время Европа, занимая предсказуемую срединную позицию как пространство культурного перевода и диалога, становится местом встречи Джеймса и Тургенева и в прямом, и в переносном смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Джеймс Г. Дэзи Миллер / Джеймс Г. Осада Лондона*. СПб.: Азбука-Классика, 2005. 382 с.
- 2 *Уракова А. П.* В отсутствие Байрона. Образ байронического поэта у Эдгара По и Генри Джеймса // *Вопросы литературы*. 2007. № 6. С. 225–240.
- 3 *Уракова А. П.* Иван Тургенев в восприятии Генри Джеймса: между ученичеством и персональным мифом // *Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация* / отв. ред. А. В. Куделин, под ред. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 457–459.
- 4 *Brooks P.* Henry James Goes to Paris. Princeton: Princeton University Press, 2008. 272 p.
- 5 *Brown Catherine.* Henry James and Ivan Turgenev: Cosmopolitanism, Croquet, and Language. URL: catherinebrown.org/wordpress/.../TJ-article.pdf. <<http://xroads.virginia.edu/~hyper/CREV/letter03.html>> (дата обращения: 20.05.2015).
- 6 *James H.* Henry James Letters: in 4 vols. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1974. Vol. 1. 489 p.
- 7 *James H.* Ivan Turgeniéff. French Poets and Novelists. New York: Macmillan, 1893, pp. 269–321.
- 8 *James H.* Ivan Turgeniéff // *Atlantic Monthly*, 1884, vol. 53, pp. 42–55.
- 9 *James H.* Art. IV — Frünglingsfluthen. Ein König Lear des Dorfes. Zwei Novellen. Von Ivan Turgéniew. Mitau. 1873 // *North American Review*, 1874, vol. 5, pp. 326–356.
- 10 *James H.* Literary Criticism: French writers. Other European writers. The Prefaces to New York Editions. New York: Literary Classics of the United States, 1984. 1408 p.
- 11 *Richards Ch.* Occasional Criticism: Henry James on Ivan Turgenev // *The Slavonic and East European Review*. 2000, no 78.3, pp. 464–486.
- 12 *Turton G.* Turgenev and the Context of English Literature 1850–1900. New York: Routledge, 1992. 219 p.

© 2017. Alexandra P. Urakova
Moscow, Russia

BETWEEN EUROPE, UNITED STATES AND RUSSIA: IVAN TURGENEV IN THE RECEPTIVE AESTHETICS OF HENRY JAMES

The essay was presented as a paper at the The Fourth International Conference on Comparative Studies of National Languages and Cultures "Friedrich Hölderlin and the Idea of Europe in the Literature of Germany, France, Russia and the United States in the 19th and 20th Centuries," St. Petersburg State University, May 26–28, 2015.

Abstract: The Russian author Ivan S. Turgenev became a “pass to Europe” of a kind to the American, Henry James, in that he introduced the latter to the first-rate Parisian literary circles. James read Turgenev in German and French (despite existing English translations) and included him as the only foreigner in his book *French Poets and Novelists* (1878) together with Baudelaire, Balzac, Sand, Flaubert, Merimee, etc. At the same time, the question of Turgenev’s national identity is a recurring topic of Jamesian essays. In these essays, Turgenev is at once European and non-European: an acknowledged European author yet belonging to the culture that represents European *otherness*, as it were. Eventually, he is a non-existing American classic: a novelist who, according to James, would have been a great American writer if born in the American South. This essay scrutinizes the question of Turgenev’s national identity and his “Europeanness” on the material of Jamesian essays belonging to different genres: reviews, a mortuary, and an encyclopedic article. It also shows how James attempts to “Europeanize” Turgenev by remaking his novel *Virgin Soil*. His own novel, *Princess Casamassima* considered imitative by many critics, not only transfers the conspiracy plot to Europe but rewrites it according to the rules that James associated with Western European literary tradition.

Keywords: Turgenev, H. James, reception, Europe, Russian literature, American literature, 19th century, influence, *Virgin Soil*, national identity.

Information about the author: Alexandra P. Urakova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: alexandraurakova@yandex.ru

Received: December 20, 2016

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Jeims H. Daisy Miller. Jeims H. *Osada Londona* [The Siege of London]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2005. 382 p. (In Russian)
- 2 Urakova A. P. V otsutstvie Bairona. Obraz baironicheskogo poeta u Edgara Po i Henry Jeimsa [In the absence of Byron. The image of Byronic poet in Poe and James]. *Voprosi literaturi*, 2007, no 6, pp. 225–240. (In Russian)

- 3 Urakova A. P. Ivan Turgenev v vospriyatii Henry Jeimsa: mezhdou uchenichestvom i personalnim mifom [Ivan Turgenev in the perception of Henry James: Between apprenticeship and personal myth]. *Russkaya literatura v zerkalah mirovoi kulturi: rezeptzia, perevodi, interpretazia* [Russian literature in the mirrors of the world culture: reception, translations, interpretation], executive ed. A. B. Kudelin, ed. M. F. Nadyarnych, V. V. Polonskii. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, pp. 457–479. (In Russian)
- 4 Brooks P. *Henry James Goes to Paris*. Princeton, Princeton University Press, 2008. 272 p. (In English)
- 5 Brown Catherine. *Henry James and Ivan Turgenev: Cosmopolitanism, Croquet, and Language*. Available at: catherinebrown.org/wordpress/.../TJ-article.pdf. <<http://xroads.virginia.edu/~hyper/CREV/letter03.html>> (accessed 20 May 2015). (In English)
- 6 James H. *Henry James Letters: in 4 vols.* Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 1974. Vol. 1. 489 p. (In English)
- 7 James H. *Ivan Turgeniéff. French Poets and Novelists*. New York, Macmillan, 1893, pp. 269–321. (In English)
- 8 James H. Ivan Turgeniéff. *Atlantic Monthly*, 1884, vol. 53, pp. 42–55. (In English)
- 9 James H. Art. IV — Frünglingsfluthen. Ein König Lear des Dorfes. Zwei Novellen. Von Ivan Turgéniew. Mitau. 1873. *North American Review*, 1874, vol. 5, pp. 326–356. (In English)
- 10 James H. *Literary Criticism: French writers. Other European writers. The Prefaces to New York Editions*. New York, Literary Classics of the United States, 1984. 1408 p. (In English)
- 11 Richards Ch. Occasional Criticism: Henry James on Ivan Turgenev. *The Slavonic and East European Review*, 2000, no 78.3, pp. 464–486. (In English)
- 12 Turton G. *Turgenev and the Context of English Literature 1850–1900*. New York, Routledge, 1992. 219 p. (In English)